

Схватка

Про книгу

Вышедший в отставку майор полиции Сорокин живет за границей, где узнает о гибели своего единственного семнадцатилетнего сына. Выясняется: парень находился в притоне наркоманов, чтобы вытащить любимую девушку, но попал под разборки. Друг Сорокина, начальник уголовного розыска подполковник Грач, обещает найти убийц. Тем временем по городу прокатывается целая волна нападений: неизвестные убивают наркоманов, бомжей, проституток, бандитов. Мать убитой проститутки помогает Сорокину. Он с риском для жизни выходит на полицейских, которые считают себя «санитарами» общества. А руководит ими... Грач. В ходе противостояния бывшим друзьям приходится вступить в смертельную схватку.

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

СХВАТКА

Сергей Майдуков

Схватка

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Майдуков С. Г., 2020

© Depositphotos / Aivolie; frix12345; vitma1978; saz1977; fxquadro;
fotokitas; zeferli@gmail.com, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском
языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7995-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Майор поліції у відставці Сорокін живе за кордоном, де дізнається про загибель свого єдиного сімнадцятирічного сина. З'ясовується: хлопець перебував у притоні наркоманів, щоб вітягти кохану дівчину. Друг Сорокіна, начальник карного розшуку підполковник Грач, обіцяє знайти вбивць. Тим часом містом прокочується хвиля нападів: невідомі вбивають наркоманів, безхатченків, повій, злодіїв. Мати загиблої повії допомагає Сорокіну. Він з ризиком для життя виходить на поліцейських, які вважають себе «санітарами» суспільства. А керує ними... Грач. Під час протистояння колишнім друзям доводиться вступити в смертельну сутичку.

Майдуков С.

М14 Схватка : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 256 с.

ISBN 978-617-12-7653-6

Вышедший в отставку майор полиции Сорокин живет за границей, где узнает о гибели своего единственного семнадцатилетнего сына. Выясняется: парень находился в притоне наркоманов, чтобы вытащить любимую девушку. Друг Сорокина, начальник уголовного розыска подполковник Грач, обещает найти убийц. Тем временем по городу прокатывается волна нападений: неизвестные убивают наркоманов, бомжей, проституток, бандитов. Мать убитой проститутки помогает Сорокину. Он с риском для жизни выходит на полицейских, которые считают себя «санитарами» общества. А руководит ими... Грач. В ходе противостояния бывшим друзьям приходится вступить в смертельную схватку.

УДК 821.161.1

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

Не легкий хлеб, не легкое питьё, Не словеса, что в воздухе повисли, — Пинки судьбы и ужасы ее Нас побуждают к действию и мысли!

Редьярд Киплинг

Часть первая

Бой с тенью

Глава 1

Ах, эта свадьба пела и плясала...

Село стояло в долине, невидимое с трассы. Оно всегда было там, как и дорога, каких-нибудь полвека назад еще не залитая гудроном. Кто только не проходил, кто только не проезжал по этой дороге! Часто они заворачивали в долину, и если было их много и носили они шлемы и оружие, то село либо подвергалось разграблению, либо сжигалось дотла, и тогда уцелевшим жителям приходилось заново отстраиваться, заново сажать сады и копать огороды.

Почему не уходили? Во-первых, все равно деваться было некуда. Во-вторых, место было очень уж хорошее: прикрытое от ветров, гуляющих по степи, с грибным бором неподалеку, с непересыхающей речкой со смешным названием. В мирные времена тут было раздолье.

В отличие от большинства других сел, это не хирело, а, наоборот, разрасталось и процветало благодаря городским богатеям, скупавшим участки земли и возводящим на них хоромы. Поскольку деньги у них водились, а руки росли из разных неприспособленных для этого мест, то работы вокруг них хватало всем. Опять же, они любили покушать свеженькое: яички там, сметанку, курочек-уточек, помидорчики-огурчики. Вот и получилось, что молодежи разъезжаться было совсем не обязательно, а можно и в селе жить буквально припеваючи... и пританцовывая, если есть охота и повод имеется.

Например, свадьбу кто-нибудь играет. Веселую, шумную, с длинными столами под навесами во дворе, с песнями и тостами, с

легкими мордобоями, без которых самое обильное застолье не в радость.

Было утро воскресенья, а гуляли почище, чем в пятницу вечером, когда здоровье еще не подорвано, запасы спиртного немеряны, а завтра не на работу с больной головой.

— Слышишь? — спросил Грач, повернув голову на шум. — Гудят. Придется без хлеба обойтись. Не в другое же село ехать. Так мы до обеда прокатаемся.

Они стояли на ступеньках сельского магазина с поэтическим названием «Лира». На двери замок, за пыльными окнами ни души. Не хватало лишь объявления в суровом и лаконичном стиле:

Все ушли на свадьбу.

— Без хлеба какая уха? — буркнул Сорокин. — Я колбасных нарезок набрал. С пряниками их есть, что ли?

— Пряников у нас тоже нет.

— Тем более.

Оба одновременно посмотрели на велосипедиста, выехавшего из переулка и заложившего сложный вираж, чтобы вписаться в поворот. Они хотели спросить его, где еще можно купить хлеба поблизости, но не успели. Велосипедист в пиджаке (и почему-то в шортах) неудачно вильнул рулем, врезался в кусты сирени возле косога уличного столба да там и остался. Пиджак на нем был настоящий, а шорты оказались семейными трусами. Он сделал несколько вялых движений полудохлого жука, перевернутого на спину, и затих. Там, откуда он приехал, грянул хор:

Ах, эта свадьба-вадьба-вадьба пела и плясала!

Небольшая пауза и опять:

Ах, эта свадьба-вадьба-вадьба пела и плясала!

— Заело, — прокомментировал Грач.

Он ошибся. Невидимый хор собрался с мыслями и — пусть не вполне стройно — исполнил припев от начала до конца:

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, иэх!
И крылья эту свадьбу вдаль несли — иэх!
Широкой этой свадьбе было места мало, иэх!
И неба было мало, и земли!

— Пойдем туда, — предложил Сорокин, когда пение сменилось оживленным многоголосием и стеклянным перезвоном. — Это совсем рядом.

— И что нам там делать? — кисло поинтересовался Грач. — Водку пить и песни орать? Я про свадьбу не знаю.

— Хлеба попросим, Саша. У них там, я так думаю, хлеба хватает. Купим буханку, если что. Или продавщицу уговорим на минутку магазин открыть.

— Так она и побежала, Володя! Разогналась! Скажи лучше, почему ты о хлебе в городе не позаботился?

— Думал, свежего возьмем, — пояснил Сорокин. — Тут хлебозавод недалеко. Горячий хлеб возят. Мы всегда тут затаривались, забыл, что ли?

— Кто хочет выполнить задание, тот ищет пути, а кто не хочет, ищет оправдания, — наставительно произнес Грач.

— Ладно тебе, полковник.

На самом деле Грач носил две звезды и пока что являлся только подполковником. Майор Сорокин хоть и был младшим по званию, но не подчинялся товарищу напрямую. Грач был начальником управления уголовного розыска города, тогда как Сорокин возглавлял следственный отдел полиции. Иными словами, по работе они, конечно, пересекались и дело вроде бы общее делали, но порознь, каждый на своем участке.

— Будем меня воспитывать или за хлебом пойдем? — нетерпеливо спросил Сорокин. — И так второй клев пропустили! В кои-то веки на рыбалку выбрались. Понапрасну теряем время.

— Пошли, — вздохнул Грач.

Был он подтянут, моложав, но абсолютно сед, то есть волосы имел абсолютно белые, что, кстати, ему очень шло. И начальству нравилось, и женщинам, и самому подполковнику. Особенно приятно было, что мужественный облик полностью соответствовал его натуре.

Когда они проходили мимо велосипедиста, Сорокин убрал с дороги велосипед и аккуратно пристроил рядом с обессиленными ногами в

трусах, носках и туфлях. Он любил порядок.

Майор не только внешне походил на следователя из телесериала, но и по жизни был такой — жесткий, резкий, суровый. Это была его роль, которую он играл с ранних лет, когда был вынужден постоянно менять школы и чуть ли не ежегодно утверждаться среди незнакомых одноклассников. Его отец был военным и мотался по стране, не имея постоянного угла, что сказалось на характере Сорокина-младшего. Собственная семейная жизнь его не сложилась — жена нашла себе более покладистого, ласкового и покорного. Уклад его жизни был спартанский, от лишних вещей он избавлялся безжалостно, ненужных и тем более порочащих его связей не имел. Одежду предпочитал темную, немаркую, в идеале — черную. Брился раз в пять дней, сохраняя щетину примерно одинаковой длины. Детальное описание его внешности вам не понадобится. Просто представьте себе крепкого, спортивного мужчину лет сорока, без особых примет, одинокого, посвятившего себя опасной профессии. Вот что получилось, то пусть и будет. Потому что для дальнейшего развития истории это особого значения не имеет.

Что связывало майора Сорокина и подполковника Грача? Что было у них общего? Да, пожалуй, кроме орнитологических фамилий и принадлежности к правоохранительным органам, ничего. Ну, рыбачить еще оба любили. На природе отдыхали с удовольствием. Бокс, случалось, смотрели вместе. Мощные автомобили уважали. За себя и за других постоять умели. Не сплетничали, не пакостили, не подличали. Вот и все. Для взрослой дружбы маловато. Тем не менее эти двое дружили. Без обоюдной выгоды, полезных связей, совместных проектов, общих жизненных устремлений и тому подобных практических вещей. Может быть, именно это их объединяло? Очень может быть. Они никогда этого не обсуждали.

Поравнявшись с велосипедистом, Грач плюнул в его сторону и обронил:

— Напрасно ты его драндулет с дороги прибрал, Володька. Пусть бы кто-нибудь переехал. В следующий раз подумал бы, прежде чем нажраться.

— Ты бы это первый проделал, Саша, — сказал Сорокин.

— А чего с ними чикаться, с алкашкой всякой? Учить надо.

— Ты, главное, эти идеи перед народом не выдвигай. Не то вместо хлеба получим по шее.

— А пусть попробуют, — усмехнулся Грач, самодовольно поведя плечами.

В это воскресенье он, как и спутник, был без кобуры под мышкой, но чувствовал и вел себя как человек, привыкший ходить вооруженным, а потому бесстрашный и уверенный в себе. Даже собаки чуяли это, потому что ни одна из дворняжек, крутившихся на пыльной улице, не посмела твякнуть на двух незнакомцев и тем более цапнуть их за штанины.

Они беспрепятственно приблизились к настезь распахнутым воротам, за которыми, подобно широкой панораме в кино, величественно открылся вид на народное гуляние.

Рядом, составленные и развернутые как придется, стояли разномастные автомобили — от достопамятных «Жигулей» до вполне себе респектабельных «Ауди» и «Фольксвагенов». Между ними шастали стайки ребятни, деловито обсуждающие достоинства и недостатки тех или иных моделей. На крыше одной из машин полосато-рыжая кошка, задрав ногу, выделявала языком такое, что на нее неловко было смотреть.

Люди, собравшиеся во дворе, вели себя с такой же естественной непринужденностью. Кто растягивал безразмерную гармонь, кто подливал, кто выпивал. Слово в честь вновь прибывших грянула музыка, повергнувшая гармониста в мрачное оцепенение. Тотчас же нашлись желающие пуститься в пляс, выделявая типично сельские коленца под вполне современный ритм, что смотрелось на удивление органично.

Жених и невеста переглянулись и потянулись друг к другу губами, слившись в долгом поцелуе под завесой фаты. Мужчины сочли это приглашением встать и поднять чарки; иных жены дергали за пиджаки, но это их не остановило. Плотный краснолицый человек, который с равной степенью вероятности мог быть отцом как жениха, так и невесты, с размаху хрястнул стопку о цементный пол. Нашлись желающие повторить его лихой жест, но они опоздали.

Не успели попросить хлеба и наши герои.

Самый большой и главный стол вдруг словно взорвался, разбрасывая вокруг брызги шампанского, ошметки еды и осколки

посуды. Жених и невеста, их родные и близкие дружно вскинули руки, прикрывая лица и глаза. Двое или трое гостей повалились с лавок, вскинув нелепо задранные ноги в мужской и женской обуви. Танцующие застыли в нелепых позах, с выпростанными из брюк рубашками и непристойно задранными подолами. Громоыхание музыки заглушило крики, которые, конечно, прозвучали, не могли не прозвучать.

Но Грач и Сорокин распознали в общем гармидере еще кое-какие звуки. Очень характерные и хорошо знакомые слуху обоих. Частые выстрелы, следующие друг за другом в последовательности, именуемой очередью.

Очередь была автоматная, и прозвучала она в непосредственной близости.

— Шесть патронов, — определил Сорокин.

— Семь, — возразил Грач.

Как выяснилось впоследствии, выстрелов все же было шесть, и носили они предупредительный характер. Пока что стрелявший просто привлек к себе всеобщее внимание.

— Всем оставаться на своих местах! — крикнул он, и голос его был настолько звонок, что прорезал низкочастотное уханье динамиков, как верещание дрели прорывается сквозь все прочие шумы.

Взгляды присутствующих, метнувшись из стороны в сторону, остановились на юноше с автоматом, явившемся на свадьбу с черного хода, то есть через калитку в заборчике, отделяющем основное подворье от огорода со скворечней сортира. Он был одет в великоватый спортивный костюм с силуэтом пумы на груди. В руках его был боевой автомат Калашникова с потертым стволом и полноценным, не укороченным прикладом.

— Витька! — воскликнул кто-то. — Витек, ты чего, белены объелся?

Вместо того чтобы ответить, юноша врезал из «калаша» по звуковым колонкам в открытом окне. Брызнули стекла, внутри истошно завизжали, музыку как отрезало. Стало так тихо, что было слышно, как вьются осы под виноградным навесом и как булькает вино из опрокинутой бутылки на столе.

Жених вскочил и снова сел, с лицом бледным, с глазами большими и выразительными, как будто наведенными углем на белом холсте.

Невеста тоже встала, но не села, а пошла задом, причитая:

— Ой, мамочки! Ой, мамочки!

— Что, сука? — крикнул Витька голосом все таким же звонким и ломким, как вначале. — Что, шалава? Допрыгалась? Сейчас вы мне за все ответите. Ты и муженек твой паскудный. А? Смотри сюда, Костян. В глаза мне смотри, если ты мужчина. Ты ведь корешем моим считался, Костик. Как ты мог?

— Виктор! — зычно произнес мужчина в сером с отливом костюме. — Успокойся, парень. Давай поговорим. Положь автомат.

— Я щас не автомат положу, а всю семейку вашу, ясно? Думали, бортанули Витю и все шито-крыто? Не-ет! Шалишь!

Третья очередь прошла по шлакоблочной пристройке, зацепив гостью в цветастом платье, плотном и блестящем, как гардина. Под общий крик ужаса ее сбило с ног и как следует трянуло. Лицо Витька перекопилось от осознания содеянного и решимости продолжать в том же духе. Держа перед собой автомат, он пошел на молодоженов.

— Отвлеки его, Саня, — пробормотал Сорокин. — Только не нарывайся.

— Давай я, — предложил Грач.

— Не время торговаться. Работаем.

С этими словами Сорокин стал пробираться вдоль забора, чтобы зайти к автоматчику со спины. Грач, наоборот, двинулся возле дома, раздвигая зрителей.

Витек остановился в шаге от сидящего жениха. Пятившаяся невеста уперлась задом в дерево и теперь стояла там, не в состоянии понять, что делать дальше и как сдвинуться с места. Родители молодоженов продолжали перетаптываться на месте, замороженные видом боевого оружия и его силы, продемонстрированной им наглядно.

— Молись, курва, — произнес Виктор, направляя ствол на невесту в перекошенной фате. — Молись и помни мою доброту. Полминуты у тебя. Ни секундой больше.

— Витенька... Родненький... Я же не виновата... Маленький у меня будет... Это все он, он...

Успевшая сползти на колени и стоя под деревом в разметавшемся подвенечном платье, невеста указала белой перчаткой на жениха. Он несколько раз шевельнул губами, но не сумел выдать из себя ни

звука. Его кадык ходил ходуном, как острая кость, вставшая поперек горла, которую никак не удастся проглотить.

— Витек! — окликнул Грач пьяным, разбитным голосом. — Ты как здесь? А накатить? Давай накатим, а потом уже разбирайся с ними.

Он протягивал стакан, наполненный то ли водкой, то ли самогоном.

Виктор развернулся к нему, прижал приклад к боку и завопил:

— Стоять! Ни шагу больше! Стреляю!

Сорокин понял, что теперь его выход. Он находился примерно в пяти метрах позади Виктора. Преградой на пути служил стол, за которым все еще сидели потрясенные и просто слишком пьяные, чтобы действовать, люди. Но это было даже хорошо. Стол должен был послужить трамплином для прыжка.

Сорокин оттолкнулся от рыхлой земли, усыпанной падалицей. В идеале следовало проделать бросок молча, чтобы обрушиться на противника внезапно, как снег на голову. Однако, сиганув через головы на стол, Сорокин увидел, что Грач не внял предупреждению и продолжает продвигаться вперед, держа перед собой стакан. Виктор был готов стрелять: его указательный палец уже обвился вокруг спускового крючка...

Сорокину оставалось лишь заорать во всю глотку, привлекая внимание к себе. В этот момент он уже летел на стрелка, спрыгнув со стола.

Виктор услышал. И увидел. И отреагировал. Медленно, как во сне, он начал разворачиваться к несущемуся на него Сорокину. Вокруг пламегасителя «калаша» раздулся трепещущий оранжевый пузырь, черное дуло плюнуло огнем. Сорокина ударило в лоб так, что он перестал видеть. Потемнение в глазах сменилось ярчайшей вспышкой. Сорокин стал легким, почти невесомым. Ударившись о землю, он взмыл, словно перышко, подхваченное ветром, и поплыл туда, куда его несло.

Земля находилась так далеко от него, что не было видно ни дорог, ни городов, ни каких-либо иных признаков существования человечества. «А где же черный тоннель?» — спросил себя Сорокин, и тоннель тотчас появился, втянув его внутрь и уже не выпустив наружу.

Глава 2

Необратимые последствия

Каждый второй, побывавший в коме, рассказывает потом стандартную историю о странствиях своей души за пределами тела. Все эти отчеты похожи на школьные сочинения, содранные из одного и того же источника.

Выглядит это примерно так: человек летит по некому условному тоннелю, пока его не выносит на свет, ослепительный, яркий, восхитительный. Там уже поджидают любимые дедушки-бабушки или же папы с мамами, чтобы торжественно объявить: мол, ты теперь расстался с телом, так что нечего жалеть о прошлом. И зависает такой человек над местом аварии, над операционным столом, где-нибудь еще — и с разной степенью изумления наблюдает, как с ним возятся те, кто пока еще вынужден прозябать на земле в брэнном теле. Восторг и чувство свободы охватывают вознесшегося, однако он рано радуется. Суровый (печальный, ласковый — нужно подчеркнуть) голос сообщает ему, что забронированное местечко в раю пока что подождет до лучших времен. Пора обратно. И потусторонние каникулы заканчиваются. Возможны варианты, но число их крайне ограничено. И никто не берется объяснить, почему земной мир столь разнообразен и непредсказуем, тогда как там, наверху, сплошная уравниловка.

Если бы майора Сорокина спросили, что он видел, слышал и чувствовал, пока витал в иных сферах, он бы пожал плечами и ответил предельно лаконично:

Там темно.

Он пребывал в этой темноте долго, и там ничего не происходило. Можно и так сказать: темнота существовала, а сам Сорокин — нет. У него не было ничего, ни имени, ни чувств, ни мыслей, ни так называемого астрального тела, в котором можно летать туда-сюда, как на ковре-самолете. Его самого не было, а потом — по прошествии

целой вечности — вдруг мало-помалу начали восстанавливаться прежние связи.

Сначала были сны, очень похожие на те, которые видел Сорокин в прежние времена. Они были очень выпуклые, четкие, яркие и увлекательные, однако что-то внутри него определяло, что все это ненастоящее, а реальность лежит за пределами этих фантазмагорических видений.

Первые сигналы из покинутого мира стали поступать в виде звуков и запахов, а остальные чувства пока что отдыхали. Сорокин еще не ощущал своего тела, когда стал слышать, а потом и воспринимать услышанное. Так, пребывая в коме, он однажды не просто услышал голоса, а осознал, про что и про кого они говорят. Речь шла о нем.

Один голос принадлежал женщине, не очень молодой и сильно надушенной. Она рассказывала о состоянии больного. Половина ее слов звучала как абракадабра, а другая половина никак не затрагивала сознания Сорокина, пока он не услышал свою фамилию. Одновременно с этим сработал какой-то выключатель, и он совершенно неожиданно для себя стал понимать сказанное.

— Его посещают? — спросил мужской голос, не слишком отчетливо выговаривающий букву «с».

— Сын через день заглядывает, — ответила женщина. — И сослуживец. Настоящий полковник! — Она издала грудной смешок. — Молодой, а уже седой.

— Гляди-ка, Людмила, стихами ты заговорила. — Последовала пауза, после которой мужчина с некоторым недоумением отметил: — И я тоже.

Пока они смеялись, Сорокин силился подать знак, что он жив, но все попытки упирались в невозможность отдать команду телу. Оно никак не реагировало на мысленные приказы. Ни губы, ни веки, ни пальцы не слушались.

— Этот Грач, — начала женщина, отсмеявшись, — который...

— Седой, — перебил мужчина. — Седой грач!

На этот раз шутка показалась забавной только ему одному. Женский голос зазвучал вроде как даже обиженно:

— ...который тоже из полиции, — продолжала она, — как раз и взял преступника. Они с Сорокиным сговорились: один отвлекает, второй накидывается. А получилось все наоборот.

— Главное, преступника обезоружили, — произнес мужской голос.
— Мог бы много бед натворить. Чего он, кстати, на свадьбу явился?
Ревнивец?

— Полковник сказал, что этот Кузнецов письмо в армии получил. Мол, так и так, твоя невеста не просто с другим гуляет, а замуж выходит. Он в карауле стоял. Прихватил автомат и в бега подался. Теперь талдычит, что только поугадать молодоженов собирался, да кто ж ему поверит? Надолго упекут, балбеса этакого.

С чувством смутной жалости к непутевому солдатику, Сорокин опять провалился в привычное беспамятство, а когда очнулся, с удивлением обнаружил, что глаза его открыты и он вновь обрел способность видеть. За окном росло дерево. Некоторые листья на нем были не зелеными, а бурыми. Пока Сорокин находился в реанимационном отделении, лето закончилось. С чувством, что у него украли существенную часть жизни, он уснул (не отключился, а именно уснул), чтобы проснуться на следующее утро и узнать, что будет уволен со службы по состоянию здоровья.

Сообщил ему об этом тот самый врач со своеобразным чувством юмора. Сорокин узнал его по голосу. Фамилия его была Тимошкин, что уже само по себе исключало для него возможность стать светилом нейрохирургии. Тем не менее врач оперировал таким количеством медицинских терминов, что голова шла кругом. От него Сорокин услышал, что получил сквозное пулевое ранение головы.

— Топография черепно-мозгового ранения была такова, что потребовалось хирургическое вмешательство, — пояснил Тимошкин.
— Были удалены все инфицированные и нежизнеспособные ткани. Произведена первичная реконструкция оболочки головного мозга, основания и свода черепа. В скором времени вы, Владимир Семенович, будете выписаны с улучшением общего и неврологического состояния.

— Если все так хорошо, то почему же я не могу вернуться на службу? — прямо спросил Сорокин.

— Если не прибегать к специальной терминологии...

— Не прибегайте! Говорите как есть.

Тимошкин вздохнул:

— Пуля повредила тот участок мозга, который отвечает за так называемую оперативную память. Знаете, как у компьютеров, которые

виснут?

— Давайте без компьютеров, — перебил Сорокин. — Что вы этим хотите сказать, доктор? Я буду ложку мимо рта проносить? Штаны не смогу расстегивать самостоятельно?

Тимошкин нервно хохотнул.

— Со штанами и ложкой все будет в порядке, Владимир Семенович, — пообещал он. — Тут в другом проблема. Забывчивость. То нужное слово не сможете вспомнить, то имя, то какие-то иные важные подробности. А в остальном все хорошо. Вы самый редкий клинический случай в моей практике, поздравляю.

Сорокин за поздравление не поблагодарил. Ему вовсе не улыбалось быть клиническим случаем в чьей-то практике. Он хотел, как и прежде, оставаться следователем, следяком, легавым. Медицина была категорически против. Начальство, соответственно, тоже. Остаток постельного режима Сорокин провел в состоянии мрачного уныния.

Макар, как мог, пытался развеять его тоску. Ему недавно исполнилось семнадцать, он был единственным сыном майора. Жена тоже была единственная, и он продолжал считать ее таковой, хотя вот уже третий год они жили порознь, в параллельных мирах, фактически не пересекаясь. Люба считала, что это он виноват в случившемся. Сорокин не спорил. В этом не было смысла. Он принадлежал к числу тех старомодных мужчин, которые не умели прощать измен.

История была банальна, как любые семейные отношения. Однажды, катаясь на роликах, Люба сломала руку. В травматологическом отделении ей попался удивительно хороший хирург, отзывчивый, чуткий. Так она о нем отзывалась, давая понять, что Сорокина таковым не считает. Он ставил службу выше шопинга, красивых слов не говорил, разнообразием предварительных ласк не отличался. А ей, как она потом сказала, всего этого очень не хватало. У нее была тонкая, романтическая натура, она хотела подарков, признаний в любви и этих самых предварительных ласк, будь они неладны. На которые она в конечном итоге мужа и променяла.

Он, поглощенный работой, воспитанием сына и бытовыми проблемами, прохлопал ушами тот вечер, с которого все началось. Когда Люба завела обыкновение возвращаться домой на час-другой позже, а потом запирается в ванной комнате, подолгу принимать ванну

и устраивать небольшие постирушки, вместо того чтобы бросать белье в специально предназначенную для этого корзину.

Потом Сорокин как-то залез в ее сумочку в поисках мелких денег, а обнаружил там двойную упаковку презервативов, один из которых отсутствовал. Такая вот проза жизни. Он спросил, для чего Люба таскает в сумке всякую дрянь. Она вильнула глазами, что-то соврала и закатила истерику: мол, она не в следственном изоляторе и нечего ей устраивать допросы.

Сорокин пару дней выждал, а потом проследил, благо навыки оперативной работы имелись. Люба после работы направилась в травматологию, хотя кости у нее уже срослись и рука была избавлена от гипсовой повязки. Она стала лепетать что-то про мануальную терапию, про лечебный массаж, но он вздор этот выслушивать не стал, вспомнил про отзывчивого хирурга и направился напрямик к нему. В результате сильно пострадали и сам врач, и его кабинет, но заявление в полицию не поступило, поскольку у избитого тоже имелась семья, и он предпочел рассказывать, что попал в аварию.

Ну а с Любой состоялся обычный разговор, без рукоприкладства. Она обозвала Сорокина деспотом, сказала, что с ним не чувствует себя женщиной и выдвинула массу мелких встречных обвинений. Простить ее означало признать ее правоту и всю оставшуюся жизнь гадать, с кем она спуталась на сей раз: с гинекологом, коллегой по работе или случайным знакомым. Сорокина такая перспектива не устраивала, и он предложил развод. Люба согласилась. Против был только Макар, но считаться с его мнением они не сочли нужным. И он до сих пор помнил об этом, хотя старался не подавать виду.

Сын рос отличным парнем, неконфликтным, понимающим, самостоятельным. Если бы Сорокина спросили, каким должен быть настоящий друг, он назвал бы в первую очередь Макара, а не кого-нибудь другого. Вот только парень был ему сыном, а не другом, так что приходилось ограничиваться ролью отца.

— Как дела в школе? — спросил Сорокин, когда Макар явился к нему в очередной раз. — В следующем году поступать. Не запустил учебу?

— Почему ты так думаешь, папа? — спросил сын.

У него было миловидное лицо, длинные ресницы и нежная кожа. На его месте Сорокин не стал бы отращивать длинные волосы да еще

закалывать их на макушке, но Макар делал именно так.

— Ты у меня в больнице слишком много времени проводишь, — заметил Сорокин. — Не в ущерб учебе, надеюсь?

— Не в ущерб, — заверил его сын. — Я контролирую свое время и свою жизнь, не беспокойся. Как ты? Слова больше не путаются?

Во время прошлого его прихода Сорокин рассказывал, как правильно качать пресс и вдруг забыл само это слово. Как отрезало. Запнувшись, он тупо смотрел в пространство и отбрасывал варианты, возникающие в сознании. Прочнее всего там укоренилось слово «крест». Получалась полная ерунда. Качать крест... качать стресс... лес... шест... не то, не то.

Глюк в памяти настолько разозлил Сорокина, что он разразился бранью и стал молотить кулаком в стену. Сбежались медсестры, позвали Тимошкина, и он, вздыхая, объяснил, что именно такие сбои подразумевал, когда сказал, что службу придется оставить.

— Представляете, — развивал мысль он, — вы задержали гражданина и вдруг не можете вспомнить, как сказать ему: «пройдемте в отделение»...

— Никого я не задерживаю, — буркнул Сорокин. — И в отделение без меня есть кому доставить. Это не моя комп... кант... Концентрация? Черт, вылетело из головы. Доктор, это теперь навсегда?

— Не буду вас обнадеживать, — сказал Тимошкин. — Но и расстраиваться раньше времени тоже не стоит. Я тут намерен почитать описание похожих посттравматических синдромов и, знаете ли, системы не нашел. Бывает так, бывает этак.

— Еще скажите: все в руках Господних! Эх вы, медики!

— А что? Возможно, и в Господних. Взять хотя бы вашу рану. Другому бы пуля череп разнесла на куски, а у вас две аккуратные дырочки: входное отверстие и выходное. Первый случай в моей практике.

Когда Тимошкин покинул палату, Макар решительно произнес:

— Вот что, отец. Пожалуй, когда тебя выпишут, я некоторое время поживу с тобой.

— Нет, сын, — покачал головой Сорокин. — Тебе от мамы до школы рукой подать. Да и лучше тебе с ней. Не будем ничего менять.

— Отец!

— Не спорь, Макар. Так правильно будет. И вообще я, скорее всего, уеду.

— Куда ты уедешь?

— А в Турцию махну, — сказал Сорокин. — На Средиземное море. Денег чуток поднакопил, на год-другой хватит. А там, глядишь, и запинаться перестану.

— Один поедешь?

— Почему нет?

— И начнешь там психовать, как сейчас? — Макар посмотрел на вошедшего Грача. — Дядя Саша, хоть вы ему скажите!

— Что сказать? — состроил серьезную мину Грач. — Диктуй по буквам.

— Да ну вас! Вечно вы отшучиваетесь. А я не ребенок.

— Не ребенок, не ребенок, успокойся. Что тут у вас за проблема? Излагай.

Мимоходом пожав Сорокину руку, Грач уселся на стул и выслушал Макара. Заключение его было таким:

— Смена обстановки часто идет на пользу. Лично я бы точно уехал. А если с турецкой полицией проблемы возникнут, то мы отсюда поддержим, не дадим в обиду.

— Слово, дядя Саша?

— Я тебе когда-нибудь врал, парень?

Он и в самом деле старался быть предельно честным с Макаром. У них были вполне дружеские отношения. Иногда Сорокин думал, что если с ним вдруг что-нибудь приключится, то есть на кого оставить сына.

— Макар, — сказал он. — Пойми, мне тошно от мысли, что я перед знакомыми начну божий дар с яичницей путать. Когда все вокруг чужие и никому до тебя дела нет, то совсем другое дело.

— Поехал бы в село какое-нибудь, — предложил сын.

— Уже съездил.

Сорокин машинально потрогал шрам на лбу, и они втроем немного посмеялись. Когда же Грач и Макар ушли, он завалился читать, а потом допоздна смотрел глупый вестерн, в котором негр был благородным шерифом, а проститутка умела стрелять похлеще ганфайтеров.

Выбравшись отлить перед сном, Сорокин увидел в длинном коридоре трех могучих парней в костюмах, которые караулили дверь палаты люкс, прохаживаясь рядом или же застыв в классической позе бодигарда: ноги на ширине плеч, ладони прикрывают причинное место, подбородки выпячены, глаза буравят каждого проходящего мимо.

— Тебе чего не спится, дядя? — спросил один из них. — Не шастай здесь. Один раз пропустили, другого не будет.

Сорокин остановился.

— Кого стережем? — поинтересовался. — Бандюка или барыгу?

— Не твое собачье дело, — сказали ему. — Ты беги в свой сортир и вприпрыжку обратно. А то на горшок ходить придется.

— Под себя, — уточнил один из охранников.

— Смотрите, как бы у самих... апофеоз не приключился.

Подразумевался энурез, но слово выскочило у Сорокина из прорывающейся головы, и это привело его в такое бешенство, что глаза его сделались совершенно белыми. Бодигарды кое-что повидали в своей жизни, но видеть таких глаз им еще не приходилось. Это был тот самый случай, когда вроде и трусость не проявляют, и связываться не хотят.

— Иди, иди, папаша, — буркнул парень в костюме и отвел взгляд. — Тебя не трогают, вот и не напрашивайся.

— А вы троньте, — предложил Сорокин, успевший взять себя в руки. — Сортир там. — Он кивнул в конец коридора. — Если кого-то что-то не устраивает, заглядывайте, потолкуем.

После этой мальчишеской выходки ему стало неловко, но он все же честно проторчал в туалете пять лишних минут, чтобы дать парням время принять решение. Когда он возвращался — нестриженный, небритый, в мятом спортивном костюме, они сделали вид, что не видят его в упор.

— Вот так-то, — произнес Сорокин, когда остался один в своей персональной палате. — Рано меня со счетов списывать.

Это тоже было очень по-детски. Устыдившись сам себя, он постарался заснуть как можно быстрее.

Глава 3

Любовь, морковь и все остальное

Возвращаясь из больницы, Макар шел легкой, пружинистой походкой, не ощущая тяжести рюкзака за спиной. Его ожидала встреча с Каролиной. От одной мысли об этом Макар ощущал себя как в невесомости.

Такое часто случалось с ним во снах. Вот он идет по знакомой улице, а потом вдруг как подпрыгнет и повиснет в воздухе! Выходит, он умеет летать? Надо попробовать! И он разбегается, и прыгает, и поднимается все выше, легкий свободный и счастливый. Достаточно лишь слегка загребать руками, чтобы плыть по воздуху как по морю. И это — счастье.

Вот Каролина была для него таким же счастьем. Когда он долго разговаривал с ней по телефону, то ни с того ни с сего начинал улыбаться, как ненормальный, и длилось это до тех пор, пока челюсти не начинало сводить от этой непрерывной улыбки.

А сегодня им предстояло встретиться. Хоть бери и лети по воздуху, как во сне!

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ